

РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА МЮЛЛЕРА В ВОССОЗДАНИИ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В. Д. Кульбакин

Годы канцлерства Мюллера (1928—1930) приходятся на тот период, который охарактеризован И. В. Сталиным как переломный и в истории СССР и в истории капиталистических стран всего мира. «Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот,— говорил И. В. Сталин,— означал для СССР поворот в сторону нового, более серьёзного экономического подъёма, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР, растущий подъём социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, растущий кризис экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве»¹.

Только первый год канцлерства Мюллера протекал в обстановке временной, частичной капиталистической стабилизации, некоторого роста промышленного производства и увеличения выпускаемой продукции; остальное время этого канцлерства проходило в условиях глубокого, затяжного экономического кризиса, развивавшегося на базе общего кризиса и поэтому отличавшегося невиданным углублением и обострением всех внутренних и внешних капиталистических противоречий.

Приходу к власти правительства социал-демократа Мюллера предшествовал период резкого усиления революционной активности германского рабочего класса. Во второй половине 1927 г. в различных областях Германии состоялись мощные революционные демонстрации в связи с убийством американской «юстицией» Сакко и Ванцетти. В начале 1928 г. по всей Германии прокатилась волна забастовок, наиболее мощных в металлургической и угольной промышленности. В одной лишь Рурской области бастовало свыше 200 тыс. металлистов. В марте стачечное движение охватило в общей сложности более 4 млн. человек. Демонстрация 1 мая 1928 г. в Берлине была самой мощной за всё время существования Веймарской буржуазной республики. В ней участвовало более миллиона человек. Многие десятки тысяч рабочих демонстрировали на улицах Гамбурга, Лейпцига, Хемница, Штутгарта, Мюнхена, Эссена, Дюссельдорфа и других городов Германии. Всеми этими и другими выступлениями германского пролетариата руководила Германская коммунистическая партия, возглавляемая выдающимся немецким революционером, последовательным учеником Ленина и Сталина, вождём германского рабочего класса Эрнстом Тельманом. Благодаря руководству Коммунистической партии Германии подавляющее большинство забастовок и демонстраций носило характер острых боевых политических выступлений рабочего класса. Высокую степень революционной активности масс показали очередные выборы в рейхстаг².

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 235.

² На этих выборах партии буржуазного блока потеряли 2 885 600 голосов и 49 мандатов; число голосов, поданных за коммунистическую партию, выросло на

Рост революционного движения в Германии объяснялся усилением эксплуатации и угнетения германского народа, изнемогавшего под тяжестью «плана Дауэса», продиктованного американским империализмом и означавшего для германского народа «двойной пресс — пресс немецкой буржуазии в отношении пролетариата Германии и пресс иностранного капитала в отношении всего германского народа»³. Огромное влияние на революционизирование германского рабочего класса оказывали успехи социалистического строительства в СССР, с новой силой показавшие преимущества социалистической системы перед системой капитализма, ещё выше поднявшие международный авторитет СССР — отечества трудящихся всего мира.

Революционизирование масс, рост классовых противоречий в Германии в период 1927—1928 гг. вынудили германскую буржуазию ещё раз обратиться к услугам социал-демократии. «Бессилие буржуазии найти выход из обостряющихся внешних и внутренних противоречий, — указывалось в постановлении X пленума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, — необходимость подготовки новых империалистических войн и обеспечения тыла путем максимального зажима рабочего класса, как «средства выхода» из создавшегося положения, невозможность провести эти задачи собственными силами без помощи социал-демократических партий... привели к необходимости открытого сотрудничества буржуазии с партиями II Интернационала. Отсюда появление у власти социал-демократии в Германии и «рабочей» партии в Англии»⁴.

Вручая государственную власть вождям социал-демократии, германская монополистическая буржуазия рассчитывала использовать влияние социал-демократии на массы (приобретённое путём демагогии в предшествующие годы, когда социал-демократия выступала в роли так называемой оппозиционной партии) для удушения революционной активности пролетариата и обеспечения нового наступления на его жизненный уровень, для ускоренного воссоздания военно-экономического потенциала Германии, подготовки открытой диктатуры монополистического капитала как предпосылки к развязыванию новой мировой войны.

«Коалиционное правительство», в состав которого вошло четыре министра-социал-демократа (из одиннадцати)⁵, на первых порах пыталось осуществлять эту империалистическую программу под трезвон разглагольствований о пользе «хозяйственной демократии» и «коалиционной политики» методами уговоров, демагогии и так называемого государственного арбитража. Последний представлял собой замаскированную форму постоянного активного подавления буржуазным государством и реформистской верхушкой классовой борьбы пролетариата в интересах буржуазии⁶.

В дальнейшем, когда под влиянием обличительной работы коммунистической партии и продолжавшегося роста классовых противоречий в стране гнусная демагогия министров-социал-демократов перестала приносить свои плоды, «коалиционное» правительство Мюллера начало при-

20,4% (с 2 679 тыс. до 3 262 тыс. голосов). За социал-демократическую партию, вожди которой усилили перед выборами свою демагогию и двурушничество, было подано 9 176 тыс. голосов — на 1 261 тыс. (11,6%) больше, чем в 1924 году.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 272.

⁴ «X пленум ИККИ. Тезисы, постановления и резолюции», стр. 17. М. 1929. (Тезисы по докладам гг. Куусинена и Мануильского.)

⁵ Г. Мюллер — канцлер, Р. Гильфердинг — министр финансов, К. Зевелинг — министр внутренних дел, Р. Виссель — министр труда. Остальные министры являлись ставленниками «народной партии», партии «центра», «демократической народной партии», «баварской народной партии».

⁶ Посредством «арбитража» социал-демократы предавали рабочих во время крупных классовых столкновений в Рурской области, в Средней Германии, в Восточной Саксонии, в Гамбурге, Киле, Бремене и других городах и областях Германии.

бегать к таким мерам репрессий, на которые решилось бы далеко не всякое открыто реакционное буржуазное правительство.

Одним из наиболее вопиющих фактов реакционной полицейской деятельности правительства Мюллера явилась подготовленная социал-демократическими министрами Зеверингом и Гржезинским и приведённая в исполнение полицией-президентом Берлина социал-демократом Цергибелем кровавая провокация 1 мая 1929 года. Правительство Мюллера поставило целью (запрещением первомайской демонстрации в Берлине и расстрелом демонстрантов) спровоцировать германских рабочих на неподготовленное восстание, потопить восстание в крови, разгромить революционные организации пролетариата и таким путём подготовить условия для установления открытой диктатуры буржуазии. Кровавая провокация не оправдала расчётов социал-демократических главарей. Берлинские рабочие, последовавшие за призывом Германской коммунистической партии выйти на демонстрацию вопреки запрету Цергибеля, столь же организованно, по указанию партии, воздержались от углубления борьбы. Партия в тот момент не могла «последовать призыву восстания, — указывал вождь германского пролетариата Эрнст Тельман, — не могла уступить требованию вооружения, потому что для этого нехватало объективных предпосылок, потому что не было острой революционной ситуации, а тем более условий для вооружённого восстания»⁷. Несмотря на провал провокации, правительство Мюллера всё же провело часть заранее намеченных реакционных мероприятий: запретило «Союз Красных фронтовиков», приняло антикоммунистический закон «О защите республики», пыталось запретить коммунистическую партию и вынуждено было отказаться от этой попытки лишь под влиянием возмущения, охватившего широкие массы германского пролетариата.

Реакционная политика правительства Мюллера и предательские действия социал-демократической верхушки, раскалывавшей рабочий класс и удерживавшей его от революционных методов борьбы, привели к новому усилению эксплуатации, к дальнейшему снижению жизненного уровня германского пролетариата. За 21 месяц канцлерства Мюллера реальная заработная плата германских рабочих упала не менее чем на 11—12%⁸. Резко повысилась интенсификация труда и ухудшилось дело социального страхования⁹. В феврале 1929 г. правительство Мюллера провело через рейхстаг законопроект «Об охране труда», фактически узаконивший 10-часовой рабочий день¹⁰. В конце того же года оно провело через муниципалитеты повышение цен на воду (на 33,3%), на электроэнергию (на 25%), на газ (на 12,5%), за проезд на городском транспорте (на 25%). Прогрессирующее относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, чудовищный рост интенсификации труда на предприятиях вели к резкому увеличению числа несчастных случаев, инвалидности, к преждевременному старению, к росту смертности среди рабочих и их семей.

Антирабочая политика правительства Мюллера и социал-демократической верхушки нанесла тягчайший удар единству рабочего класса Германии и позволила германской буржуазии, несмотря на глубокий экономический и растущий политический кризис, осуществлять более ускоренными по сравнению с предыдущим периодом темпами свою империалистическую программу воссоздания военно-экономического потенциала страны и подготовки новой мировой войны.

⁷ Э. Тельман. Германская компартия и новый революционный подъём стр. 87. М. 1929.

⁸ См. Ю. Кучинский. История условий труда в Германии, стр. 271. М. 1949.

⁹ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 339, 342—343, 352—353. Berlin. 1930; «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 423, S. 426, 969—970. Berlin. 1929.

¹⁰ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 313; Э. Тельман. Указ. соч., стр. 56.

Задаче воссоздания военно-экономического потенциала Германии были подчинены в годы канцлерства Мюллера все финансы страны, все мероприятия правительства в области промышленности, торговли и сельского хозяйства. Практические установки правительства Мюллера в области финансовой политики были выражены в его годовых бюджетах. Налоговые сметы бюджетов ярко иллюстрируют классовый характер этой политики. В то время как налоги на буржуазию в 1928—1930 гг. были резко уменьшены (налог с компаний — на 16%, налог с облигаций — на 55%, налог с обращения капитала — на 15,2%, подоходный налог и налог на прибыль с капитала — на 8,7% и т. д.), массовые налоги выросли с 5756 млн. марок до 7001 млн. марок, или на 22%¹¹. В последнем бюджете правительства Мюллера (на 1930 г.) налоги на трудящихся в три раза превосходили налоги бюджета 1913 г. и на одну треть — массовые налоги бюджета предшествующего правительства В. Маркса. Протекционистские пошлины на предметы потребления в 1930 г. были в полтора раза выше пошлин 1928 года.

Не менее убедительно раскрывают антинародную сущность финансовой политики правительства Мюллера расходные сметы. К 1930 г., впервые за всё время существования Веймарской республики, государственные субсидии промышленным монополиям достигли 2 млрд. марок в год (20% бюджета)¹². Резко возросли военные расходы. Официально они составляли 750—800 млн. марок в год, а фактически, с учётом расходов на полицию, субсидии военным предприятиям и т. д., — не менее трети всей расходной сметы бюджета¹³. Если правительство и сокращало расходы, то всегда в интересах буржуазии и в ущерб интересам трудящихся. Так, например, по министерству труда в 1929 г. расходная смета была сокращена на 45 млн. марок по сравнению с бюджетом 1928 г.¹⁴; в 1930 г. она была дополнительно уменьшена по сравнению с 1929 г. на 197,1 млн. марок. В обоих случаях сокращение расходов было проведено главным образом за счёт сумм, предназначенных на цели страхования от безработицы.

Коммунисты — члены рейхстага — подвергли бюджет Гильфердинга уничтожающей критике. Выступивший 15 марта 1929 г. на заседании рейхстага коммунистический депутат Ф. Геккерт охарактеризовал бюджет Гильфердинга как «10-миллиардный бюджет германских трестов и монополий», а его автора — как продажного чиновника, который «целиком превратился в мелкого агента германского биржевого капитала и магнатов трестов»¹⁵. Э. Тельман, Ф. Геккерт, В. Ульбрихт и другие коммунисты — депутаты рейхстага — приводили в своих выступлениях многочисленные факты, разоблачавшие грабительски-милитаристский характер бюджета, его враждебную германскому народу сущность. Опромную работу в этом направлении проводили «Rote Fahne» и другие коммунистические газеты. Давая общую оценку финансовой политике правительства Мюллера, Э. Тельман говорил в декабре 1929 г.: «Почти все, что требовал Шахт, безоговорочно проведено в жизнь социал-демократическим правительством. Это правительство является послушнейшим орудием, о котором только может мечтать финансовый капитал в Германии»¹⁶.

¹¹ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 38, 263.

¹² См. И. Файнгар. Проблемы германской промышленности. Монополии и новейшие процессы загнивания, стр. 43. М. 1934.

¹³ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 89, 90, 97; «Verhandlungen des Reichstags», S. 1449. Журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» № 7 за 1930 г., стр. 16.

¹⁴ См. И. Файнгар. Экономическая программа большой коалиции. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 6 за июнь 1929 г., стр. 46.

¹⁵ «Verhandlungen des Reichstags», S. 1445, 1448.

¹⁶ Э. Тельман. Боевые статьи и речи, стр. 242. М. 1936.

XII съезд Германской коммунистической партии, состоявшийся в 1929 г., характеризуя финансовую программу правительства Мюллера, указывал, что она означает «снижение всех социально-политических расходов (прекращение всех государственных добавочных субсидий безработным, систематическое сокращение пособий, усиленная тенденция к перенесению всех социальных тягот на рабочих), отмену налогов на имущие классы, миллионные подарки капиталу в виде свободных от налогов государственных займов. Новые грабительские налоги, охранительные пошлины, увеличение квартирной платы, рост цен на все предметы массового потребления увеличивают дороговизну и понижают жизненный уровень пролетариата и всех трудящихся... Нынешнее правительство, вследствие активного участия социал-демократии, облегчает буржуазии возможность более решительного и беспощадного наступления на пролетариат, чем это было даже при правительстве буржуазного блока»¹⁷.

Возмущение широких народных масс антинародной финансовой политикой привело к серьёзному правительственному кризису во второй половине 1929 года. Кризис резко обострился в декабре, чему в значительной степени способствовали кассовый дефицит и провал попытки Гильфердинга получить заём у американского банка «Dillon, Read and Company» в связи с протестом Моргана, давнишнего конкурента «Dillon, Read and Company»¹⁸. Правительственный кризис привёл к отставке Гильфердинга. Своей отставкой Гильфердинг оказал большую услугу социал-демократическим вождям, послужив своеобразной отдушиной для недовольства, накопившегося у их хозяев — американских и германских монополистов.

Вместе с тем отставка министра, автора программы финансового ограбления трудящихся, была использована социал-демократическими вождями для очередного обмана рабочих: она была представлена ими как мероприятие, проведённое в осуществление требований народа.

Вместо Гильфердинга министром финансов был назначен представитель «народной партии» Мольденгауэр, состоявший до того министром экономики. Освободившийся пост министра экономики был занят социал-демократом Робертом Шмидтом. В конечном счёте социал-демократы были довольны исходом кризиса. Они заплатились Гильфердингом, зато получили портфель министра экономики. Они ещё раз обнаружили перед массами своё пресмыкание перед буржуазией, зато вновь овладели доверием ведущих буржуазных партий: «немецкой народной партии», партии «центра» и американского банкира Моргана. Само собой разумеется, смена министров не повлияла на общее направление финансовой политики правительства Мюллера: Мольденгауэр продолжал претворять в жизнь установки бюджета на 1930 г., составленного Гильфердингом. Налоговая и бюджетная политика правительства Мюллера отвечала запросам наиболее агрессивных кругов германской империалистической буржуазии и проводилась под контролем финансовых магнатов США. Она имела ярко выраженный антинародный характер и являлась составной частью общего плана ограбления масс и подготовки экономики страны к агрессивной войне.

Своей главной задачей в области промышленности правительство Мюллера, следуя указаниям германской монополистической буржуазии, считало воссоздание тяжёлой индустрии, в первую очередь угольной, металлургической и военно-машиностроительной промышленности Рура — этого важнейшего индустриального центра Германии¹⁹.

¹⁷ Э. Тельман. Германская компартия и новый революционный подъём, стр. 147, 148.

¹⁸ «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 254, 255.

¹⁹ См. «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 423, S. 38—44.

«Для того, чтобы подготовиться к войне и обеспечить себя новейшим вооружением,— указывается в Исторической справке «Фальсификаторы истории»,— Германия должна была восстановить и развить свою тяжёлую индустрию и, прежде всего, металлургию и военную промышленность в Руре»²⁰. Все необходимые условия для реализации этой программы были налицо. Германия вышла из мировой войны, сохранив почти в полной неприкосновенности свою экономику. В результате Версальского мира германская индустрия не только не понесла никакого ущерба, сохранив целиком свои гигантские производственные масштабы и всю свою техническую основу, но в связи с огромной помощью, оказанной американскими монополиями, правящими кругами США и других капиталистических стран, получила новые, весьма благоприятные возможности для дальнейшего развития.

Характерным явлением экономической жизни Веймарской Германии периода 1928—1930 гг. являлось усиление процессов концентрации и централизации капитала, процессов, составляющих, по определению В. И. Ленина, глубокую экономическую основу империализма, его экономическую сущность²¹. Э. Тельман в докладе на XII съезде Коммунистической партии Германии в 1929 г. говорил: «Развитие последнего времени, особенно последних двух лет, сделало возможным громадное усиление финансового капитала, огромное развитие его концентрации и трестирования»²².

Отмечая рост концентрации и монополизации капитала в Германии, В. М. Молотов в своём докладе XVI съезду ВКП(б) говорил, что в 1930 г. «наиболее крупные предприятия с капиталом от 5 миллионов марок и выше составляли 0,5% по количеству предприятий и 41% по ценности. Их общий капитал составляет 19,8 миллиарда марок. За последние 3 года (т. е. главным образом за время канцлерства Мюллера.— В. К.) капитал этих предприятий-гигантов возрос на 4,4 миллиарда марок, что составляет 50% общего прироста капиталов в Германии»²³.

Наибольший рост монополизации и концентрации капитала происходил в отраслях промышленности, которые имели первоочередное значение для воссоздания военно-экономической мощи страны (металлургическая, каменноугольная, машиностроение, производство синтетического азота). В угольной промышленности в 1929 г. 10 угольных концернов контролировали 69% всей добычи угля²⁴. В чугунолитейной промышленности в конце 1929 г. 3 гигантских концерна производили 69% всего чугуна, причём крупнейший из них — «Стальной трест» («Vereinigte Stahlwerke») — выпускал 43% всей продукции²⁵. В сталелитейной промышленности 7 крупнейших заводов (из 49) давали 80,5% всей продукции стали. В электротехнической промышленности почти всё производство (около 80%) находилось в руках 2 мощных концернов — Всеобщая компания электричества («АЕГ») и «Сименс» («Simens»). Такую же картину можно было наблюдать в горной промышленности, калийной промышленности и в машиностроении²⁶.

В основе роста процессов концентрации и централизации капитала лежала огромная помощь, оказывавшаяся германским монополиям американскими империалистами и правительством социал-демократа Мюл-

²⁰ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 8. Огиз. Госполитиздат. 1948.

²¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 262, 284.

²² Э. Тельман. Германская компартия и новый революционный подъём, стр. 40.

²³ В. Молотов. В борьбе за социализм. Речи и статьи, стр. 11. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935.

²⁴ См. А. Норден. Уроки германской истории, стр. 77. М. 1949.

²⁵ См. там же.

²⁶ См. И. Файнгар. Проблемы германской промышленности. Монополия и новейшие процессы загнивания, стр. 30, 32.

лера. К 1929 г. американские вложения в германскую промышленность достигли огромных размеров. В период с 1925 по 1928 г. среднегодовая сумма иностранных займов составляла 3,5 млрд. марок, причём доля США в этой общей сумме возрастала из года в год. Из 6,3 млрд. марок долгосрочных иностранных кредитов, полученных Германией за эти годы, 4,5 млрд. марок были предоставлены Америкой²⁷. Всего с 1924 по 1929 г. в германскую промышленность было инвестировано 10—15 млрд. марок иностранных долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочных вложений²⁸. За время с 1921 по 1932 г. иностранные вложения выразились в сумме 30 млрд. марок²⁹. Американские вложения составляли не менее 70% суммы всех долгосрочных займов³⁰. Чистый ввоз капитала в Германию составлял: в 1924 г.—3,05 млрд. марок, в 1927 г.—4,31 млрд. марок, в 1928 г.—4,65 млрд. марок³¹.

С каждым годом возрастало непосредственное участие американских империалистов в эксплуатации германских рабочих как путём покупки акций германских предприятий, так и посредством приобретения отдельных немецких заводов. В 1928—1930 гг. в руки американских империалистов перешли предприятия крупнейшего германского автомобильного концерна Опеля, от 25 до 30% капитала Всеобщей компании электричества, 16% капитала завода электроламп «Osram», около 2/5 капитала телефонно-телеграфной промышленности³². В 1929 г. глава американского автомобильного концерна Форд открыл в Кельне филиал под названием «Ford motor Company». Большая часть капитала общества контролировалась концерном Форда³³. В том же году американские автомобильные магнаты получили разрешение строить автомобильные заводы в окрестностях Берлина³⁴.

Всё это с неизбежностью вело к усилению империалистических противоречий между германским и американским монополистическим капиталом. Германские концерны-гиганты «Стальной трест», ИГ Фарбениндустри и другие ожесточённо отстаивали свои позиции в Германии от наступления американских фирм: мorganовской «United States Steel», «Standard Oil», «E. J. du Pont de Nemours» и других.

Несмотря на обострение противоречий, германская буржуазия охотно шла на сближение с американским империализмом, так как считала его помощь главным условием ускоренного воссоздания военно-экономического потенциала Германии. «Германии следует избегать различного рода западноевропейских союзов,— писала буржуазная газета «Berliner Tageblatt»,— так как удельный вес практической и моральной поддержки со стороны США при разрешении всех германских проблем в конечном счете перевесит все обещания европейских правительств»³⁵.

Со своей стороны и американская монополистическая буржуазия, преследуя цель воссоздания военно-экономического потенциала Германии для превращения последней в орудие своей агрессии в Европе, часто шла на такие уступки германским монополиям, которые нередко состояли в явном противоречии с капиталистическими интересами отдельных американских монополий.

По указке правящих кругов германской буржуазии кабинет Мюллера значительно увеличил правительственные субсидии монополиям. Как уже

²⁷ См. «Der Bericht des Generalagenten», S. 245. Berlin. 1928.

²⁸ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 9.

²⁹ См. А. Норден. Указ. соч., стр. 79. Изд. 1948 года.

³⁰ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 9.

³¹ См. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3 за 1930 г., стр. 22.

³² См. А. Норден. Указ. соч., стр. 175; «Мировое хозяйство и мировая политика» № 5 за 1929 г., стр. 166; «Правда» от 7 февраля 1930 г. («Заём германского концерна в США»); Д. Аллен. Международные монополии и мир, стр. 8—9. М. 1948.

³³ См. А. Норден. Указ. соч., стр. 176.

³⁴ См. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3 за 1930 г., стр. 170.

³⁵ «Berliner Tageblatt» от 10 декабря 1928 г. (Die Haltung Americas).

отмечалось выше, эти субсидии выросли в годы канцлерства Мюллера до 2 млрд. марок в год, что составляло более 20% имперского бюджета. Большая часть этих сумм шла предприятиям, изготовлявшим оружие и военные материалы, а также научно-исследовательским учреждениям, работавшим в интересах подготовки войны³⁶. Десятки миллионов марок получили промышленные магнаты Рура («на проведение рационализации производства в западных пограничных областях»), фирма «Motorflügen», судостроительные компании и другие монополистические объединения³⁷. По признанию министра финансов Мольденгауэра, субсидии монополистическим предприятиям, которым угрожало банкротство, составляли 50 млн. марок³⁸. Правительство Мюллера в интересах монополий многократно снижало налоги на буржуазию и её корпорации, поддерживало их займами, систематическим недобором и без того уже сниженных налогов на собственность (в 1929 г. эти недоборы составили 411 млн. марок³⁹).

Характерным примером монополистических союзов, раздувшихся до чудовищных размеров в результате государственных субсидий и помощи американского империализма, являлись крупнейшие германские тресты: Стальной трест («Vereinigte Stahlwerke») и химический трест ИГ Фарбениндурии («I. G. Farbenindustrie»). Германский стальной трест к началу 1930 г. имел 28 крупных заводов и заводских групп со 177 тыс. рабочих и служащих, что составляло 57% всех лиц, работавших по найму в германской металлургической индустрии⁴⁰. В 1930 г. Стальной трест производил 52% всей общегерманской продукции стали, 50,9% труб, 37,5% листового железа, 29,6% проволочных изделий⁴¹. При помощи системы участий и прямого диктата Стальной трест оказывал решающее влияние на всю угольную, железодельную, электрическую, силикатную промышленность, на паровозо- и вагоностроение, водный и сухопутный транспорт. При таком положении Стального треста в стране германские правительства оказывались в полной от него зависимости и должны были согласовывать свои решения с руководителями треста — Феглером, Пенсеном, Тиссеном и Фликом. Большая часть основных дочерних и зависимых предприятий треста располагалась в Руре. Эта область, производившая в 1928 г. 79% чугуна и 81% стали-сырца⁴², являлась подлинной вотчиной Стального треста, его основной производственной базой.

При правительстве Мюллера усилились тесные связи, существовавшие между Стальным трестом и американскими монополиями. Примером этому может служить деятельность немецкого банка Шредера, руководящую роль в котором играл германский Стальной трест. Во главе нью-йоркской фирмы «I. Henry Schreder Banking Corporation» стоял Аллен Даллес. Ведущая роль в этой фирме принадлежала адвокатской фирме «Sullivan and Cromwell», возглавлявшейся небезызвестным Джоном Фостером Даллесом. Последняя была тесно связана с мировым нефтяным трестом «Standard Oil of New Jersey», а также с самым мощным банком США — «Chase National Bank», вкладывавшими в германскую промышленность огромные капиталы. Руководящую роль в финансировании Стального треста играл крупнейший нью-йоркский банк «Dillon, Read and Company» во главе с Форрестолом⁴³. Таким образом, многие из главарей американского

³⁶ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 89.

³⁷ См. там же, стр. 90, 156.

³⁸ См. там же, стр. 157.

³⁹ См. «Sozialistische Monatshefte». März 1930, S. 211—212.

⁴⁰ См. «Новые материалы к работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 49. М. 1935; И. Файнгар. Проблемы германской промышленности. Монополии и новейшие процессы загнивания, стр. 34.

⁴¹ И. Файнгар. Проблемы германской промышленности. Монополии и новейшие процессы загнивания, стр. 34—37.

⁴² См. П. Уфериан. Германский стальной трест, стр. 202. М. 1928.

⁴³ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 11—12.

империализма, выступающие теперь организаторами маршализации Европы, являлись в годы канцлерства Мюллера активными организаторами и вдохновителями первых вариантов плана империалистического закабаления Европы Соединёнными Штатами Америки.

Благодаря помощи американских империалистов и государственным субсидиям Стальной трест к 1930 г. был полностью реконструирован и модернизирован⁴⁴. Уровень производства железа и стали на его предприятиях на 10—20% превысил довоенный уровень⁴⁵. Резко возросло влияние Стального треста на экономическую и политическую жизнь страны, ещё больше поднялась его роль в воссоздании военно-экономического потенциала Германии.

Стальному тресту по масштабам деятельности и влиянию на дела государства не уступал другой гигант германской промышленности — ИГ Фарбениндустри. В 1929 г. этот трест вырабатывал не менее $\frac{1}{3}$ всех производившихся в Германии искусственных удобрений, 80% синтетического каучука, около 100% синтетического бензина, красителей и взрывчатых веществ, на его долю приходилось свыше 80% германского и около 40% мирового производства азота. Правление ИГ Фарбениндустри было тесно связано с правительством, с правлениями «народной партии» и партии «центра», влияя на их решения не только по экономическим, но и политическим вопросам. Правительство Мюллера оказывало тресту всяческое внимание и услуги. Руководители ИГ Фарбениндустри Шмиц, Дуисберг, Бош и Вармбольд, состоявшие наиболее крупными акционерами концерна, были людьми «вхожими» в правительство, с их мнением всегда считался президент Гинденбург. При правительстве Мюллера один из руководителей треста, Мольденгауэр, был назначен министром финансов после отставки Гильфердинга. В дальнейшем министром имперского правительства состоял и другой видный руководитель (директор) ИГ Фарбениндустри — Вармбольд. Под непосредственным влиянием треста правительство Мюллера заключило в 1928 г. торговый договор с Японией и алюминиевое соглашение с Францией; в 1929 г. — калиевое соглашение с Францией, дополнявшее и развивавшее договор 1927 г. между ИГ Фарбениндустри и французскими химическими предприятиями. По требованию руководителей ИГ Фарбениндустри правительство Мюллера подготовило законопроект о повышении пошлин на натуральный бензин⁴⁶.

Коалиционное правительство выдавало предприятиям ИГ Фарбениндустри щедрые денежные субсидии. В 1929 г. оно выдало огромную денежную «компенсацию» директору взорвавшихся в Гамбурге фосгенных заводов Штольценбергу, отклонив внесённое коммунистами предложение о привлечении администрации ИГ Фарбениндустри к ответственности «за хранение боевых газов в центре густонаселенного города»⁴⁷. В 1928 и 1929 гг. ИГ Фарбениндустри была предоставлена возможность израсходовать 6 млн. марок на научно-исследовательскую работу в области синтетического каучука, что в 60 раз превышало сумму, израсходованную трестом на эти цели в 1927 г. при правительстве В. Маркса⁴⁸. В 1929 и 1930 гг. правительство Мюллера отпустило 1,9 млн. марок на научно-исследовательские работы «в области химико-технических проблем»⁴⁹, большая часть этих средств была использована ИГ Фарбениндустри⁵⁰.

⁴⁴ См. там же, стр. 12.

⁴⁵ См. А. Норден. Указ. соч., стр. 76.

⁴⁶ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 126

⁴⁷ «Die Rote Fahne» от 11 января 1929 года.

⁴⁸ См. Р. Сэсюли. ИГ Фарбениндустри, стр. 110. М. 1948.

⁴⁹ «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 90.

⁵⁰ На предприятиях ИГ Фарбениндустри в эти годы работали тысяча химиков и две тысячи ассистентов. См. Д. Вудман. Германия вооружается, стр. 152. М. 1935.

Несмотря на резко обострившуюся к этому времени конкурентную борьбу между ИГ Фарбениндурии и американскими монополистическими союзами, в годы канцлерства Мюллера связи между ними продолжали сближаться. Исключительно тесными были связи между ИГ Фарбениндурии и американским химическим концерном Дюпона («Du Pont»). В 1929 г. ИГ Фарбениндурии и концерн Дюпона стали совладельцами американской фирмы «Bayer Seseman and Co», через которую оба концерна осуществляли свою деятельность в США, связанную с производством и продажей химикалий для дезинфекции семян⁵¹. Такие же связи существовали между ИГ Фарбениндурии и крупнейшей американской монополией «Standard Oil of New Jersey». В августе 1928 г. между этими монополистическими союзами было заключено весьма выгодное для Германской химической промышленности соглашение. Это соглашение было вызвано открытием ИГ Фарбениндурии способа добычи синтетического бензина. ИГ Фарбениндурии брала на себя обязательство не вмешиваться в дела нефтяной промышленности, а «Standard Oil» обязывался не вторгаться в область интересов химической промышленности, исключая те случаи, когда химические процессы имели прямое отношение к нефти⁵². Огромное значение этого соглашения для ИГ Фарбениндурии состояло в том, что американский концерн обязался поддерживать позиции ИГ Фарбениндурии во всех странах мира, включая и США. Многочисленные уступки, которые при заключении этого соглашения сделали лидеры «Standard Oil» (сохранение контроля ИГ Фарбениндурии над развитием гидрогенизации⁵³ в Германии, установление контроля ИГ Фарбениндурии над своими патентами на синтетический каучук «буна» в США и др.), объяснялись, как отмечает в своей книге Р. Сэсюли, стремлением американских монополистов помочь ИГ Фарбениндурии в решении военно-стратегической задачи получения синтетическим путём бензина, хотя бы это оказалось связанным с денежными убытками⁵⁴.

В апреле 1929 г. в Нью-Йорке был открыт филиал ИГ Фарбениндурии — фирма «American J. G. Chemical Corporation», — созданный, по словам Боша, одного из директоров ИГ Фарбениндурии, с той целью, чтобы «концентрировать» германские интересы на американском континенте⁵⁵. Американские монополисты приняли деятельное участие в создании этой фирмы, причём самыми активными американскими участниками её оказались: фирма «Standard Oil», «National City Bank» и автомобильный концерн Форда. Председатель правления «Standard Oil» Уолтер Тигл, Эдсель Форд, Пауль Уорбург и другие виднейшие представители американской plutократии вошли в состав правления фирмы⁵⁶. Создание «American J. G. Chemical Corporation» способствовало усилению широких деловых связей ИГ Фарбениндурии с автомобильным концерном Форда (на базе использования искусственного каучука), с алюминиевым трестом «Aluminium Company of America» (на базе соглашения о ценах, патентах, рынках сбыта), с «National City Bank» и др.⁵⁷. С ИГ Фарбениндурии устанавливали связи и заключали соглашения самые крупные, самые влиятельные представители американского монополистического капитала.

При помощи правительственных субсидий ИГ Фарбениндурии в

⁵¹ См. К. Эдвардс. Международные картели в экономике и политике, стр. 42. М. 1947.

⁵² См. Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 166; «Мировое хозяйство и мировая политика» № 6 за 1929 г., стр. 147.

⁵³ Способ добычи нефти из угля.

⁵⁴ См. Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 167.

⁵⁵ См. М. Рейсер. Германский химический трест ИГ Фарбениндурии, стр. 30. М. 1935.

⁵⁶ См. Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 167—168; М. Рейсер. Указ. соч., стр. 30.

⁵⁷ См. Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 192—193; И. Файнгар. Проблемы германской химической промышленности, стр. 33.

1929 г. разрешила в основном вопрос о стратегическом сырье (искусственная нефть, каучук, смазочные масла), создала необходимую экспериментально-техническую базу и достигла в производстве химической продукции такого уровня, который позволил Германии выйти по основным показателям химической промышленности на первое место в мире. В 1929 г. Германия производила 677 тыс. т. синтетических азотистых веществ из 920 тыс. т, вырабатывавшихся всеми капиталистическими странами мира⁵⁸.

Важнейшим результатом совместных усилий германского и американского капитала при правительстве Мюллера был дальнейший рост удельного веса военной продукции ИГ Фарбениндустри. По данным Р. Сэсюли, из 43 основных продуктов, производившихся трестом, 28 имели первостепенное значение для немецких вооружённых сил⁵⁹. Наиболее важным среди них были синтетические нефть и каучук, синтетические смазочные масла, взрывчатые вещества. Выработка всей военной продукции осуществлялась под непосредственным руководством правительства и верховного командования рейхсвера. Связь ИГ Фарбениндустри со штабом армии впервые была установлена в 1928 году⁶⁰. В этом же году ИГ Фарбениндустри начала поставлять генеральному штабу рейхсвера информацию шпионского характера.

В 1928—1930 гг. большинство крупных промышленных предприятий Германии производило военную продукцию. Лишь небольшая часть из них имела лицензии на изготовление оружия в размерах, установленных Версальским договором, большая же группа предприятий получала тайные заказы от официальных инстанций; многие фирмы производили оружие на своих зарубежных филиальных заводах.

Деятельность всех предприятий, поставлявших военную продукцию, протекала под наблюдением правящей клики. Указания на объём, габариты и другие показатели производившейся военной продукции исходили из одного места и имели своё определённое назначение. Все нити руководства делом вооружения тянулись к правительству, к замаскированному генеральному штабу, к союзу магнатов — «Имперскому союзу германской индустрии» («Reichsverband der deutschen Industrie»).

О крупном размахе деятельности германской промышленности, поставлявшей оружие, говорит уже один тот факт, что в 1929 г. Германия изготовляла оружие не только для себя, но и поставляла его 13 капиталистическим странам, в том числе Франции, гоминьдановскому Китаю, Японии, Испании и Бельгии⁶¹.

Большое внимание уделялось строительству военно-морского флота. В 1928 г. на постройку новых боевых судов и переоборудование старых было выделено 58,9 млн. марок — в 11 раз больше, чем в 1924 году⁶². 10 августа 1928 г. правительство Мюллера вынесло постановление о строительстве первого броненосца («А»). Несмотря на вспыхнувшее среди трудящихся Германии возмущение этой империалистической акцией, социал-демократические министры дали указание судостроительной верфи «Deutsche Werk» в Киле приступить к строительству броненосца⁶³. В ответ на многочисленные демонстрации протеста, прошедшие по всей стране, рейхсканцлер Мюллер объявил, что даже постановление партийтага не сможет принудить его голосовать против постройки броненосца. Кичливое выступление Мюллера было поддержано Зеверингом.

⁵⁸ См. Р. Сэсюли. Указ. соч., стр. 108.

⁵⁹ См. там же, стр. 42.

⁶⁰ См. там же, стр. 121.

⁶¹ См. там же, стр. 104.

⁶² См. «История дипломатии». Т. III, стр. 390. М.-Л. 1945.

⁶³ См. «Правда» от 27 октября 1928 г. «Демагогия броненосных социалистов».

Реализуя программу военно-морского строительства⁶⁴, «коалиционное правительство» формально придерживалось норм, определявших число единиц военно-морского флота, установленных Версальским договором, в вопросах же качества, боевой мощи судов оно не считалось ни с какими ограничениями. Сошедшие со стапелей при канцлерстве Мюллера пять лёгких крейсеров по своему ходу (32 узла в час), вооружению (9—6" пушек новейшего образца и 4 зенитные установки), а также по радиусу действия (10 тыс. морских миль)⁶⁵ намного превосходили боевые суда этого типа других капиталистических стран. Такие же преимущества имели 12 новых эсминцев, строительство которых, начатое в 1925 г., было закончено при правительстве Мюллера. Проект броненосца «А» («Ersatz Preussen») предусматривал установленный Версальским договором тоннаж (10 тыс. т), во всём же остальном броненосец не только не уступал, но во многом превосходил тяжёлые линкоры, имевшиеся на вооружении других капиталистических стран. По своей мощности броненосец «А» не уступал новейшим образцам французских 26 500-тонных крейсеров типа «Дюнкерк» («Dunkerque») ⁶⁶. Броненосец был вооружён 6—11" орудиями большой дальности, имел мощную броню и защиту от подводных взрывов. Радиус действия броненосца составлял 10 тыс. морских миль ⁶⁷. Строительство боевых судов было поручено самым мощным судостроительным фирмам Германии: «MAGNETWERK», «Wilhelmshafen», «Deutsche Werke». Броню для судов поставлял Крупп. Орудия изготавлила фирма «Reinmetall» и «Krupp». Оптические приборы поставлял Цейсс, артиллерийские инструменты — Геллап Сименс, торпеды — Шварцкопф ⁶⁸.

Коммунисты (члены рейхстага) и центральный орган коммунистической партии «Rote Fahne» подвергли беспощадной критике действия правительства Мюллера. Коммунисты-депутаты неоднократно входили в рейхстаг с предложениями о вынесении недоверия правительству. Коммунистическая печать систематически публиковала материалы, разоблачающие империалистическую сущность военно-морского строительства, разъясняла и пропагандировала предложения коммунистов. В октябре 1928 г. Коммунистическая партия Германии организовала всенародное голосование против военно-морского строительства.

Референдум не собрал большого количества голосов ввиду яростного противодействия ему со стороны всех буржуазных партий, церкви, социал-демократической партии и реформистских профсоюзов.

Не последнюю роль при этом сыграло разочарование, постигшее массы после неудачи плебисцита 1926 г., направленного против возврата имущества Гогенцоллернам. Большое значение имел тот факт, что предложения коммунистов не поддержали массы националистически настроенной мелкой буржуазии, к этому времени уже находившейся в большей своей части под влиянием гитлеровской партии, наиболее реваншистской, реакционной партии германского империализма.

Неудача референдума выявила недостаточную силу влияния германских коммунистов в широких массах трудящихся. Огромная положительная работа, проведённая Германской коммунистической партией, в значительной степени была обесценена серьёзными сектантскими ошибками, допускавшимися известной частью коммунистов в вопросе борьбы за со-

⁶⁴ Программа предусматривала сооружение до 1934 г. 4 броненосцев («Ersatz Preussen», «Ersatz Lotaringen», «Ersatz Elsass», «Ersatz Braunschweig»), 4 истребителей, нескольких эсминцев, а также перевооружение и модернизацию остальных боевых судов.

⁶⁵ См. Л. Иванов. Морские вооружения и угроза войны против СССР. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 6 за 1931 г., стр. 219.

⁶⁶ См. А. Мюллер. Моторизованная армия германского империализма, стр. 149. М. 1936.

⁶⁷ См. Л. Иванов. Указ. соч., стр. 219.

⁶⁸ См. Д. Вудман. Указ. соч., стр. 108.

здание единого фронта. Хотя, по выражению В. Пика, «коммунисты ещё раз, как в 1914 году, спасли честь рабочего движения, честь социализма» тем, что, возглавив ряд крупных выступлений трудящихся, подняли массы от экономических боёв к политической борьбе и «завоевали значительное влияние в рабочих массах и во всех массовых рабочих организациях», они не достигли главной задачи, стоявшей перед КПГ, — не завоевали большинства рабочего класса. Сектантские тенденции среди известной части коммунистов привели к тому, что они не сумели организационно закрепить своё влияние ни в реформистских организациях, ни среди неорганизованных рабочих. Правильно ведя борьбу против предательства вождей социал-демократии, коммунисты нередко допускали ошибки, отмежевываясь и от социал-демократических рабочих, называя их «маленькими цергибелями». Разоблачая руководителей социал-демократии за их предательскую деятельность, коммунисты вместе с тем допускали ошибку, не обращаясь с предложениями единого фронта к местным организациям социал-демократии и реформистских профсоюзов. Всё это не могло не мешать преодолению раскола в рабочем классе, не могло не служить серьёзной помехой к установлению единого фронта⁶⁹.

Несмотря на неудачный исход голосования, референдум сыграл большую роль в разоблачении империалистической и антисоветской политики коалиционного правительства, как правительства милитаристов и агрессоров.

Правительство Мюллера не ограничивалось военно-морским строительством. Многие предприятия были заняты производством военных самолётов, броневых автомобилей, танков. Самолёты изготовлялись в самой Германии под видом грузовых, пассажирских и почтовых и за её пределами — в Швеции, Дании, Италии, Швейцарии и в Мемеле. О том, что представляли собой производившиеся внутри Германии «невоенные» самолёты, хорошо говорит, например, тот факт, что один из самых крупных самолётов германской гражданской авиации, «Б-38», был использован в качестве бомбардировщика японскими интервентами в Китае⁷⁰. Военную продукцию поставляли все без исключения автомобильные и моторостроительные заводы. Так, «Bayerische Motoren Werke» с 1928 г. изготовлял в Эйзенахе бронированные автомобили. Фирма «Deimler Benz» наряду с автомобилями производила в Штутгарте и Мангейме танки и броневые автомобили⁷¹.

Огромную роль в перевооружении Германии играл концерн Круппа. В 1929 г. на предприятиях концерна было занято 89,8 тыс. рабочих⁷², намного больше, чем в предыдущем году. Добыча железной руды на крупновских рудниках в 1929 г., впервые за весь период существования Веймарской республики, достигла 709 тыс. т (в 1931—1932 гг. она составляла 141 тыс. т, в 1933 г. — 187 тыс. т)⁷³. Резко изменился характер продукции, выпускавшейся предприятиями Круппа. Если в первые годы после войны концерн производил преимущественно локомотивы, вагоны, сельскохозяйственные орудия, счётные кассы и автомобили, то в годы канцлерства Мюллера его предприятия стали выпускать главным образом военную продукцию: морские орудия, броню для боевых судов и танков, бомбы для авиации, оборудование для пороховых заводов, пулемёты, снаряжение для боевых судов и т. д. Зависимая от Круппа фирма «Vochumer Verein» изготовляла 150-миллиметровые снаряды для гаубиц⁷⁴. Процесс над

⁶⁹ См. В. Пик. Отчёт о деятельности ИККИ, стр. 16, 17. М. 1935.

⁷⁰ См. Д. Вудман. Указ. соч., стр. 81, 84—86.

⁷¹ См. там же.

⁷² «Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 35.

⁷³ См. Д. Вудман. Указ. соч., стр. 122.

⁷⁴ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 59; «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3 за 1935 г., стр. 90.

директорами концерна Круппа в 1947 г. подтвердил, что уже в 1926 г. под видом тракторов Крупп строил танки, а при правительстве Мюллера приступил также к конструированию управляемых ракет⁷⁵.

Концерн Круппа пользовался преимущественным вниманием и помощью со стороны американских монополий. В конце 1924 г. находившаяся накануне финансового краха фирма Круппа была спасена благодаря займам, полученным от нью-йоркских фирм «Halgarten and Company» и «Goldman and Company». По свидетельству Сэсюли, общая сумма займов в это время составила 10 млн. долларов⁷⁶. При правительстве Мюллера Крупп заключил картельный договор с «General Electric», сделавший крупновский концерн сообладателем мировой монополии на вольфрам-карбид, с помощью которого производились высококачественные сорта стали. «С помощью этого металла, — пишет А. Норден, — вооружение германской армии значительно двинулось вперед»⁷⁷.

Благодаря помощи правящей клики США правительству Мюллера удалось добиться пересмотра репарационного плана и досрочного освобождения Рейнской области, оккупированной Францией во исполнение Версальского договора.

В политическом отчёте Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) товарищ Сталин указывал, что «план Дауэса» неизбежно потерпит крах, так как он принят без хозяина — германского народа, который не станет терпеть двойной гнёт (германской и американской буржуазии), — и Советского Союза, который не позволит превратить себя в аграрно-сырьевой придаток Германии.

Надвигавшийся мировой экономический кризис и новый подъём забастовочной борьбы германского пролетариата вынудили буржуазию США пересмотреть «план Дауэса». Установленный планом режим трансфера⁷⁸ возбуждал в ней страх как одна из причин нарушения «хозяйственной системы» германского империализма. Американские империалисты не хотели допустить ослабления военно-экономической мощи Германии, ибо это подорвало бы основу их агрессивных и антисоветских планов и могло привести к потере американских вложений в германскую промышленность.

Так надвигалось гениально предсказанное И. В. Сталиным крушение «порядка», установленного Версальским договором и «планом Дауэса».

В результате настойчивых требований правительства Мюллера⁷⁹ в конце 1928 г. западные державы приняли решение об организации комитета экспертов для изучения вопроса о репарациях и открытии официальных переговоров по поводу досрочной эвакуации 2-й и 3-й зон Рейнской области. Комитет экспертов был сформирован во второй половине декабря. В его состав вошло 14 экспертов, по два от каждой страны-участницы: Франции, Англии, Италии, Японии, США, Бельгии и Германии. От Германии в состав комитета экспертов по предложению Гиль-

⁷⁵ См. «Известия» от 24 декабря 1947 г. «Что происходит на процессе директоров концерна Круппа в Нюрнберге».

⁷⁶ См. Р. Сэсюли. ИГ Фарбениндустри, стр. 106.

⁷⁷ А. Норден. Указ. соч., стр. 122.

⁷⁸ Трансфер дословно — перевод денег по счетам. В данном случае — перевод за границу германских репарационных платежей по «плану Дауэса», осуществлявшийся под контролем генерального агента по репарациям, представителя США Жильбера Паркера, который следил за своевременным переводом репарационных сумм. Этому агенту было предоставлено право приостанавливать трансфер, если он угрожал стабилизации марки. В действительности репарационный агент редко прибегал к этому праву. Приток американских займов и чудовищное ограбление трудящихся Германии давали возможность переводить кредиторам все репарационные платежи.

⁷⁹ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 78.

фердинга⁸⁰ были включены представители крупного финансового капитала и тяжёлой индустрии: директор имперского банка Яльмар Шахт и главный директор Стального треста Феглер. Их заместителями были утверждены: гамбургский банкир Мельхиор и представитель «Reichsverband der Deutschen Industrie» Кастль. «Вот кому,— писала «Rote Fahne»,— социал-демократические министры дали возможность решать вопрос о судьбе Германии на целые десятилетия»⁸¹.

Подлинными хозяевами на конференции в Париже были американские империалисты, представленные такими фигурами, как Джон Пирпонт Морган, Томас Ламонт, Гайтс Макгarr и Томас Перкинс — представители американского капитала, близкие к дому Morgana. Председателем комитета экспертов был назначен один из соавторов «плана Дауэса», управляющий мorganовским электротехническим трестом, автор нового репарационного плана Оуэн Юнг. Правительство Мюллера и верхушка социал-демократии торжествовали вдвойне. Во-первых, социал-демократам и их представителям в правительстве удалось добиться начала пересмотра репарационного плана не в 1929 г., как было обусловлено при утверждении «плана Дауэса», а в 1928; во-вторых, в соответствии с желанием социал-демократов комиссию вновь возглавляли представители американского финансового капитала.

Торг в Париже длился несколько месяцев. Сделанное в самом начале заявление Шахта о необходимости снижения репарационных платежей вызвало резкие возражения представителей Англии и Франции, которые заявили, что они могут согласиться только на такую сумму репараций, которая была бы достаточной для погашения их долгов США.

Принятый на комитете экспертов и затем утверждённый конференцией западных держав в Гааге «план Юнга» был более выгодным для германских финансовых монополий, чем «план Дауэса». То, что выплата репараций по новому плану уменьшалась и растягивалась на 59 лет, вполне устраивало германских капиталистов: для них было важно уменьшить ежегодные платежи⁸². «План Юнга» усилил позиции монополий США в германских делах, так как передал всё дело финансовой политики в руки финансистов рейхсбанка, зависимых и подконтрольных теперь одному лишь американскому финансовому капиталу. При помощи нового репарационного плана империалисты США пытались закрепить на долгие годы закабаление и ограбление германского народа странами-победительницами, узаконить достигнутое господствующее положение американского капитала в Европе, привести правовые и политические нормы в соответствие с колоссально возросшей фактической ролью американских монополий в финансовой и экономической жизни европейских стран. Учреждённый в соответствии с «планом Юнга», Базельский банк международных расчётов хотя и имел своей официальной задачей регулирование репарационных платежей и посредничество между Германией, её кредиторами и США, в действительности был механизмом, при помощи которого американский империализм осуществлял свой диктат в Европе⁸³. Банк целиком находился под влиянием мorganовского дома, представленного в банке Джексоном Рейнольдсом, президентом «First National Bank of New York».

Всё это, резко усиливая и обостряя международные империалистиче-

⁸⁰ См. «Правда» от 10 января 1929 г. «Германские эксперты в комиссии по репарационному вопросу».

⁸¹ «Die Rote Fahne» от 8 января 1929 года.

⁸² По «плану Юнга», сумма ежегодных взносов составляла в среднем 1,98 млрд. марок; по «плану Дауэса»,— 2,5 млрд. марок.

⁸³ Параграф 15 устава банка гласил, что председателем третейского суда по улаживанию споров между правительствами и банком должен быть американец. Большинство членов суда являлось представителями зависимых от США капиталистических стран.

ские противоречия, особенно между США и Англией, между Францией и Германией, наносило сокрушительный удар по всей версальской системе, предоставляя германскому империализму новые возможности для ускоренного (под эгидой США) воссоздания военно-экономического потенциала Германии, для подготовки страны к агрессивной войне.

Для трудящихся Германии новый репарационный план означал не облегчение, как это пытались изобразить социал-демократы, а новое усиление эксплуатации и дальнейшее ухудшение жизненного уровня, что в свою очередь вело к обострению классовых противоречий в Германии. В докладе XVI съезду ВКП(б) И. В. Сталин охарактеризовал «план Юнга» как наиболее яркий показатель обострения противоречий в империалистическом лагере, как обречённую на провал попытку стран-победительниц удержать Германию в цепях версальской кабалы. «Обнажаются и будут обостряться противоречия между странами-победительницами и странами-побеждёнными», — говорил И. В. Сталин. — Из числа последних я имею в виду, главным образом, Германию. Несомненно, что в связи с кризисом и обострением проблемы рынков усилятся нажим на Германию, являющуюся не только должником, но и крупнейшим экспортёром. Оригинальные отношения, сложившиеся между странами-победительницами и Германией, можно было бы изобразить в виде пирамиды, на вершине которой по-господски сидят Америка, Франция, Англия и т. д. с планом Юнга в руках, с надписью: «Плати!», а внизу распластана Германия, выбивающаяся из сил и вынужденная вытягивать из себя все силы для того, чтобы выполнить приказ о платеже миллиардных контрибуций». Думать, что «германский пролетариат, живущий под двойным ярмом «своей» и «чужой» буржуазии, даст германской буржуазии выжить из его жил эти 20 миллиардов без серьёзных боёв и потрясений, — значит сойти с ума»⁸⁴.

30 августа 1929 г. участники конференции в Гааге подписали соглашение, определившее новые сроки эвакуации Рейнской зоны. Начало эвакуации 2-й зоны намечалось в середине 1929 г., окончание — не позднее 31 декабря; эвакуация 3-й зоны должна была начаться немедленно после ратификации «плана Юнга» французским и германским парламентами, окончание — во второй половине июня 1930 года.

Заключение соглашения о сроках эвакуации Рейнской области означало приближение окончания режима оккупации части территории Германии иностранными войсками и восстановление единства и суверенитета германского народа.

Советское правительство, верное провозглашённым им принципам равноправия и государственного суверенитета всех народов, выражая горячие симпатии трудящихся Советского Союза угнетённому германскому народу, послало правительству Мюллера приветственную телеграмму в связи с досрочным освобождением Рейнской зоны. «От имени правительства Союза, — говорилось в телеграмме на имя германского министра иностранных дел, — прошу вас, г. министр, принять и передать германскому правительству поздравление по случаю окончания режима иностранной оккупации части германской территории и восстановления суверенитета германского народа. Правительство Союза, протестовавшее 13 января 1923 г. перед всем миром против оккупации германской территории, с особым удовлетворением отмечает восстановление прав германского народа в Рейнской области»⁸⁵. Однако правящие круги Германии, поддерживаемые американскими империалистами, были далеки от того, чтобы использовать восстановление единства Германии в интересах германского народа. Напротив, как показало ближайшее будущее, они всячески использовали досрочное освобождение Рейнской области для воссоздания

⁸⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 249—250.

⁸⁵ «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. III, стр. 432. М. 1945.

военно-экономического потенциала Германии, для превращения Рейнской зоны в плацдарм для ускоренной подготовки к новой мировой войне.

31 августа 1929 г. участники Гаагской конференции подписали протокол, одобрявший в принципе «план Юнга». Боясь взрыва возмущения народных масс, правительство Мюллера объявило «план Юнга» выдающимся успехом своей внешней политики. 4 сентября Мюллер, находившийся на курорте в Бюллерзее, прислал в адрес кабинета телеграмму, в которой выразил немецкой делегации благодарность за якобы «достигнутое смягчение трудностей немецкого народа» и «восстановление германского государственного суверенитета»⁸⁶. Кабинет единогласно одобрил телеграмму рейхсканцлера.

Представители финансового капитала устами директора рейхсбанка Яльмара Шахта заявили, что они не против «плана Юнга», но требуют от правительства решительных мер «к созданию внутренних экономических предпосылок для реализации плана Юнга путем упорядочения финансов и облегчения трудностей»⁸⁷.

Это означало не что иное, как требование нового наступления на жизненный уровень трудящихся путём усиления налогового гнёта, снижения взносов на социальное страхование и дальнейшего развёртывания капиталистической рационализации. Правительство Мюллера с дакейским рвением принялось осуществлять эту грабительскую программу.

На заседании рейхстага «план Юнга» рассматривался в феврале и марте 1930 года. 13 февраля с яркой речью по поводу «плана Юнга» выступил в рейхстаге Эрнст Тельман. Охарактеризовав грабительский, империалистический характер «плана Юнга», Тельман подчеркнул, что принятие его означает, что «три поколения рабочего класса должны до 1988 года выплачивать миллиарды иностранному капиталу»⁸⁸. «План Юнга приносит облегчение не трудящимся массам, а германской буржуазии... Если план Юнга и снижает как будто ежегодные платежи по сравнению с планом Дауэса на 685 млн. марок, то... из германского пролетариата будут выжиматься ежегодно не 2,2 млрд., а 3,6 млрд. марок для иностранного капитала»⁸⁹. Эрнст Тельман привёл неопровержимые данные о чудовищном росте новых налогов, пошлин на предметы первой необходимости, о повышении тарифов за коммунальные услуги, об усилении разбойничьих методов капиталистической рационализации и снижении реальной заработной платы рабочих в результате действия «плана Юнга». «Коммунистическая партия, партия пролетарской революции, — подчеркнул Э. Тельман, — ставит перед собой задачу всеми средствами воспрепятствовать проведению плана Юнга в жизнь и сделать его осуществление невозможным»⁹⁰.

На мартовском заседании рейхстага от имени наиболее влиятельных слоёв буржуазии выступил Брюнинг, будущий преемник Мюллера на посту рейхсканцлера. Брюнинг заявил, что, поскольку эвакуация Рейнской области проведена в более короткий срок и в решении экспертов наличествуют не только экономические мотивы, но и политические, представители партии центра подчиняются голосу необходимости⁹¹. Рейхсканцлер Мюллер в заключительном слове сказал, что никто не может предсказать всех последствий применения «плана Юнга», но что при всём этом необходимо резко выступить против всяких попыток «вызвать политическое беспокойство... Правительство достаточно сильно, чтобы противодействовать разрушительным тенденциям и в корне подавить их»⁹², — пригрозил он.

⁸⁶ С. Ногкенбач. Das Deutsche Reich von 1918 bis Heute, S. 287. Berlin. 1930.

⁸⁷ Там же, стр. 293.

⁸⁸ Э. Тельман. Германская революция сметёт план Юнга, стр. 6. М. 1930.

⁸⁹ Там же, стр. 12.

⁹⁰ Там же, стр. 23.

⁹¹ См. «Verhandlungen des Reichstags». Bd. 427, S. 4370.

⁹² Там же, стр. 4372.

Угроза Мюллера была целиком направлена против коммунистов, которые разоблачали не только грабительский «план Юнга», но и социал-демократов, организовавших принятие этого плана.

С «протестами» против «плана Юнга» выступили и фашисты, но правительство Мюллера не принимало против них каких-либо серьезных мер, так как хорошо понимало демагогическую подоплёку действий фашистов, стремившихся показным «протестом» против «плана Юнга» усилить своё влияние среди реваншистски настроенных масс мелкой буржуазии.

13 марта рейхстаг принял закон о «плане Юнга» большинством 270 голосов против 92 при 3 воздержавшихся⁹³. Американские империалисты прилагали немало усилий к тому, чтобы, увеличивая нажим на трудящихся Германии, всячески облегчить положение германской буржуазии. Ещё в конце 1929 г. состоялось секретное соглашение американских и германских империалистов, отменившее наиболее неприятную для германской буржуазии часть «плана Юнга» (оно предусматривало возможность отсрочки платежей Германии, независимо от оговоренного «планом Юнга» деления их на часть, которую можно было отсрочить, и часть, которую надо было выплачивать при любых обстоятельствах). Спустя полтора года германские монополии при поддержке американских настояли на фактической отмене репараций.

Так США стремились создать в лице империалистической Германии орудие своей экспансионистской политики в Европе, стремились использовать Германию в своей антисоветской политике.

Жестокая эксплуатация рабочего класса, усердие социал-демократических вождей и американская помощь германским монополиям привели к тому, что к 1930 г. военно-экономический потенциал Германии в основном был воссоздан. Если в отношении всей промышленности Германии 1928—1929 годы являлись временем застойного состояния уровня производства⁹⁴, то совсем иначе дело обстояло с военной промышленностью и теми отраслями тяжёлой промышленности (угольная, металлургическая, химическая, электротехническая), которые играли решающую роль в воссоздании военно-экономического потенциала Германии, служили базой для развития военных отраслей промышленности. «Есть одна отрасль, — говорил И. В. Сталин на XVI съезде партии, — которая не захвачена кризисом. Эта отрасль — военная промышленность. Она всё время растёт, несмотря на кризис»⁹⁵.

В 1930 г. Германия занимала по производству чугуна и стали второе место в мире, по добыче каменного угля — второе место в Европе, по выпуску продукции химической и калийной промышленности, по добыче бурого угля и производству синтетической нефти — первое место в мире⁹⁶. Были созданы все необходимые предпосылки для изготовления всех видов новейшего вооружения, и началось их массовое производство. Общий объём промышленной продукции в Германии в 1929 г. составлял 113% довоенного⁹⁷. В этом году, впервые с 1913 г., в Германии был превышен экспорт над импортом (на сумму 730 млн. марок)⁹⁸. По общему вывозу Германия занимала в 1929 г. третье место в мире, после США и Англии, по промышленному экспорту, по темпам прироста она шла наравне с Америкой⁹⁹.

Таким образом, восстановленный с помощью американских займов и кредитов германский капитализм снова становился опаснейшим конкурен-

⁹³ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 68—69.

⁹⁴ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 240.

⁹⁵ Там же, стр. 249.

⁹⁶ См. «Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 179.

⁹⁷ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 288.

⁹⁸ См. Е. Варга. Пределы подъёма германского капитализма. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3 за 1930 г., стр. 18.

⁹⁹ См. И. Файнгар. Проблемы германской промышленности, стр. 89.

том монополистов США, Англии и Франции на мировом рынке. «Германия, поднявшая быстро уровень своего развития — в значительной мере благодаря американским кредитам — и вынужденная платить репарации и проценты по долгам, — говорится в документах Коммунистического Интернационала, — не находит достаточных рынков для экспорта своих товаров, и вся система отношений поддерживается за счет новых и новых американских кредитов, увеличивающих, в свою очередь, конкурентоспособность Германии на мировом рынке»¹⁰⁰. Германские промышленные товары, выбрасываемые по демпинговым ценам, конкурировали с американскими и английскими не только в Европе, но и в странах Ближнего и Дальнего Востока и даже в Латинской Америке. Немалую часть получаемых в ньюйоркских банках капиталов германские монополисты вкладывали в промышленность и горные разработки стран Юго-Восточной Европы, Турции, Ирана, вытесняя оттуда французский, английский и американский капитал. Германский империализм вооружался для нового передела мира, он готовился к отторжению у Франции отнятых у Германии по Версальскому договору Эльзаса и Лотарингии, к захвату у Англии и Франции «своих» бывших колоний, к порабощению малых народов Европы, он накапливал силы для борьбы против США, Англии и Франции за мировое господство. Возрождение германского империализма обостряло до крайних пределов противоречия между крупнейшими капиталистическими странами.

Как отмечалось выше, в основе всех изменений в экономике Германии, сопровождавшихся неслыханным обострением и углублением всех капиталистических противоречий, разорением мелкой и средней буржуазии, лежал дальнейший рост угнетения и ограбления широких масс рабочего класса, беднейшего и среднего крестьянства.

Выполняя социальный заказ германской буржуазии — подготовку страны к агрессивной войне, — правительство Мюллера и поддерживавшая его социал-демократическая верхушка наряду с воссозданием военно-экономического потенциала Германии вели ускоренную подготовку к установлению открытой диктатуры буржуазии.

В 1928—1930 гг. в Германии резко усилилась внутренняя реакция. Это был период в развитии послевоенного капитализма, когда, как указывал И. В. Сталин, в капиталистических странах наблюдалась постепенная фашизация политики буржуазных правительств, обусловленная их курсом на подготовку и развязывание новой мировой войны¹⁰¹.

В условиях быстрого роста реакции в стране правительство Мюллера и поддерживавшая его социал-демократическая верхушка осуществляли в общем процессе подготовки открытой диктатуры буржуазии две очень важные функции. Выступая на словах за «народность», «демократию», «социализм» и т. д., а на деле являясь орудием монополистической буржуазии, осуществляя мероприятия, направленные на усиление непосредственного вмешательства буржуазно-юнкерской государственной власти в экономическую и политическую жизнь страны, затушёвывая и скрывая от масс подлинный характер фашизма, правительство социал-демократа Мюллера, правая социал-демократия в целом служили удобной ширмой для подготовки и установления открытой диктатуры монополистического капитала. «До установления фашистской диктатуры, — говорил Г. Димитров на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, — буржуазные правительства обычно проходят через ряд подготовительных этапов и

¹⁰⁰ «Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932», стр. 770. М. 1933.

¹⁰¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 282.

осуществляют ряд реакционных мероприятий, помогающих непосредственно приходу фашизма к власти»¹⁰².

«Коалиционное правительство» Мюллера являлось одним из таких правительств. Именно об этом свидетельствуют приведённые выше данные об антинародной экономической и социальной политике правительства Мюллера. Не менее убедительно об этом говорят материалы, характеризующие отношение социал-демократических вождей и социал-демократических министров к реакционным организациям буржуазии и юнкерства, их участие в проводимой германскими милитаристами идеологической подготовке войны, их роль в усилении антикоммунистической и антисоветской деятельности в Германии.

Правительство Мюллера проявляло большую заботу о рейхсвере, который в условиях Веймарской буржуазной республики играл весьма важную роль в процессе подготовки новой мировой войны и фашистской диктатуры. На Магдебургском съезде социал-демократической партии Зеверинг заявил: «Мы должны повторить то, что рейхсканцлер Г. Мюллер объявил в прошлом году. Так как мы требуем от рейхсвера, чтобы он чувствовал себя конституционным органом республики, то и республика должна предоставить ему всё необходимое: не только денежный, но и моральный кредит»¹⁰³.

Даже реакционная буржуазная печать вынуждена была признать, что при правительстве Мюллера воспитание личного состава рейхсвера осуществлялось методами реакционной прусско-кайзеровской школы¹⁰⁴.

По свидетельству «Rote Fahne», опубликовавшей осенью 1929 г. ряд статей о составе рейхсвера, большинство офицерского состава армии в прошлом состояло в фашистских и других контрреволюционных бандах. Значительная часть его принимала участие в реакционных путчах. Рядовой состав рейхсвера воспитывался в духе фашизма и монархизма. Газета «Reichsbannerzeitung» писала, что в Германии редко можно найти казарму, стены которой не были бы увешаны портретами королей и императоров. Во многих подразделениях рейхсвера солдат принуждали исполнять фашистский гимн «Hakenkreuz am Stahlhelm» («Свастика на стальном шлеме»)¹⁰⁵.

Важнейшей опорой реакции в Германии являлся «Стальной шлем» («Stahlhelm») — одна из наиболее крупных военных организаций монополистической буржуазии и юнкерства¹⁰⁶. Все другие организации германского империализма — «Jungdeutsche Orden», «Oberland», «Wehrwolf», «Tannenbergbund» и прочие — являлись боевыми резервами и филиалами «Стального шлема», в дальнейшем пополнявшими ряды гитлеровской партии и фашистских штурмовых отрядов. Всем этим организациям правительство Мюллера предоставляло неограниченные возможности для реакционной террористической деятельности.

Германская буржуазия в то время усиленно готовила гитлеровскую фашистскую партию для своей открытой диктатуры. При правительстве Мюллера фашистская партия прошла тот путь своего развития, без которого ей в дальнейшем не удалось бы осуществить в короткий срок подготовку к захвату государственной власти. В годы канцлерства Мюллера численный состав фашистской партии возрос в 3 раза, число голосовавших за неё избирателей увеличилось в 8 раз — с 809 тыс. в 1928 до

¹⁰² Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 5. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

¹⁰³ «Sozialdemokratischer Parteitag in Magdeburg», S. 117.

¹⁰⁴ «Reichsbannerzeitung» от 25 мая 1929 года. M. Alter. Reichswehrofizieren Korps.

¹⁰⁵ См. там же.

¹⁰⁶ В этот блок входили: «немецкая народная партия», партия «центра», социал-демократическая партия, «народная демократическая партия», «баварская народная партия».

6,5 млн. в 1930 году. Число мандатов в рейхстаге, полученных гитлеровцами, выросло с 12 в 1928 до 107 в 1930 году¹⁰⁷.

Как численный рост гитлеровской партии, так и увеличение числа голосовавших за неё избирателей происходили в основном за счёт разорявшейся мелкой буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, ранее голосовавших за буржуазные партии, но разочаровавшихся в них вследствие надвигавшегося экономического кризиса и благоприятной для монополий политики «коалиционного» правительства. Несмотря на это, фашистская партия отнюдь не становилась мелкобуржуазной. Как указывал И. В. Сталин, партия фашистов является «наиболее реакционной и враждебной рабочему классу частью империалистической буржуазии...»¹⁰⁸.

Фашисты перестроили организационную структуру своей партии. Начиная с октября 1928 г. фашистская партия была поделена на 25 окружных организаций соответственно избирательным округам по выборам в рейхстаг. В этот же период резко выросло число штурмовых (SA) и охранных (SS) отрядов, были созданы опорные фашистские организации, такие, как Союз национал-социалистских юристов, Национал-социалистский союз учителей, Союз врачей социал-националистов¹⁰⁹. Одновременно гитлеровцы усиливали свою работу среди молодёжи. Большую роль стал играть Союз гитлеровской молодёжи («Hitlerjugend»). При канцлерстве Мюллера этот союз имел свои собственные окружные организации, непосредственно подчинявшиеся гитлеровским штурмовым отрядам. К числу крупных молодёжных фашистских организаций принадлежали Национал-социалистский школьный союз, созданный при правительстве Мюллера в ноябре 1928 г. для подрывной работы среди учащихся средних школ, и союз «Немецкое студенчество», с июня 1928 г. возглавлявшийся Бальфуrom фон Ширах, будущим руководителем Союза гитлеровской молодёжи, одним из главных военных преступников. Гитлер, его единомышленники и их покровители — германские капиталисты — широко и демагогически использовали ущемлённое национальное чувство германского народа, сумели отравить умы мелкой буржуазии и особенно молодёжи шовинистическим угаром.

В 1928 г. фашисты приступили к организации своих ячеек на предприятиях. В Берлине они организовали ячейки на таких крупных предприятиях, как тормозной завод Кнорр, предприятия Сименс и Гальске, Сименс — Вернер, кабельный завод, металлозавод Людвиг Лёве, заводы «AEG» и др. В марте 1929 г. фашисты имели в Берлине 900 организаторов уличных и заводских ячеек. Такую же картину можно было наблюдать и в других городах Германии.

Крупная буржуазия усилила финансовую помощь гитлеровцам. Большую помощь им оказывали Стальной трест, Гельзенкирхенское акционерное общество, ИГ Фарбениндустри, «Deutsche Bank», концерн «Borsig»¹¹⁰ и другие монополистические концерны Германии, пользовавшиеся наибольшей помощью и покровительством американского империализма.

В ряды гитлеровской партии в 1928 — 1930 гг. начали вступать такие видные представители германской промышленной и финансовой монополистической верхушки и юнкерства, как рурский магнат Кирдорф, принц Август (сын Вильгельма II), президент рейхсбанка Яльмар Шахт, глава Немецкого банка Эмиль Штауз¹¹¹.

Пользуясь благожелательным отношением правительства Мюллера, фашисты перестали считаться с полицией, с ограничениями печати, при-

¹⁰⁷ См. «21 Monate sozialdemokratische Koalitionspolitik, 1928—1930», S. 29. К Гейден. История германского фашизма, стр. 202, 203, 205. М. 1935.

¹⁰⁸ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 289.

¹⁰⁹ См. К. Гейден. Указ. соч., стр. 203, 204.

¹¹⁰ См. А. Норден. Уроки германской истории, стр. 97, 102; К. Гейден. Указ. соч., стр. 238.

¹¹¹ См. там же.

ступили к созданию собственных складов оружия, к открытому вооружению своих банд, развернули на страницах своих газет и журналов дикую травлю всех революционных и прогрессивных деятелей и организаций. Главарь фашистской партии Гитлер получил германское подданство (до этого он состоял в австрийском), добился отмены указа, воспрещавшего ему и некоторым другим фашистским главарям публичные выступления в Пруссии, перенёс центр деятельности фашистской партии из Баварии в Пруссию и Саксонию. Воспользовавшись указом правительства Мюллера, разрешавшим гитлеровцам публичные выступления на всей территории Германии, фашисты в одном лишь 1928 г. провели около 20 тыс. собраний и митингов. В 1929 г. в стране ежедневно происходило не менее 100 собраний, организуемых фашистами. Функционеры фашистской партии были материально заинтересованы в проведении возможно большего числа собраний, так как за каждое выступление им платили от 200 до 400 марок¹¹².

Благодаря покровительству правительства Мюллера фашисты сделали чуть ли не повседневным явлением в жизни страны разгон собраний, организуемых коммунистами и революционной профсоюзной оппозицией, зверские убийства и избиения коммунистов и революционных рабочих, кровавые антисемитские погромы. С помощью правительства Мюллера фашистский террор проник в университеты, средние и начальные школы. «В Германии национал-фашизм может продвигаться вперед только потому,— отмечал Эрнст Тельман на расширенном пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1930 г.,— что для него пролагает путь социал-фашизм»¹¹³.

Во второй половине 1929 г. гитлеровцы провели совместно с националистами так называемое «народное волеизъявление» против «плана Юнга», собравшее около 6 млн. подписей избирателей. Этот плебисцит представлял собой первую серьезную демонстрацию реакционных сил в Германии под фактическим руководством гитлеровской партии. Организаторы плебисцита Гугенберг и Гитлер не скрывали того, что главной целью кампании являлась борьба за установление открытой диктатуры монополистического капитала. Несмотря на открыто антиреспубликанский, махрово-реакционный характер кампании (по всей стране проходили манифестации и собрания, на которых провозглашались фашистские лозунги и выставлялись требования восстановления Гогенцоллернов), правительство Мюллера и руководство социал-демократической партии не приняли никаких реальных мер против распоясавшейся реакции.

«Волеизъявление» националистов и фашистов носило демагогический характер. Разглагольствуя о своём мнимом «несогласии» с «планом Юнга», гитлеровцы, как и другие буржуазные партии, в действительности одобряли «план Юнга», претворяя в жизнь его грабительские установки, проявляя в полной мере солидарность в решении главного вопроса этого плана — вопроса об ограблении трудящихся Германии. «Существует единый фронт от буржуазных партий до социал-фашистов включительно, от Розенфельда до Геббельса,— говорил Э. Тельман.— Они хотят путем принятия плана Юнга осуществить грабительский поход против трудящихся масс»¹¹⁴.

Единственной партией, последовательно разоблачавшей демагогический характер «плана Юнга» и фашистского «волеизъявления», была Германская коммунистическая партия. В своём обращении по поводу «плана Юнга» коммунистическая партия указывала, что она заявляет

¹¹² Германicus. Германский национал-социализм, стр. 27—28. М. 1931.

¹¹³ Журнал «Коммунистический Интернационал» № 7 за 1930 г., стр. 27. (Из доклада Э. Тельмана на расширенном пленуме ИККИ.)

¹¹⁴ Э. Тельман. Германская революция сметёт план Юнга, стр. 22—23.

решительный протест как против грабительски-реакционного «плана Юнга», так и против гугенберговского плебисцита, охарактеризованного в обращении как «национал-фашистская демагогия надувательства»¹¹⁵. На многочисленных собраниях, митингах и демонстрациях, проведённых местными организациями Коммунистической партии Германии в связи с обнародованием декларации, трудящиеся демонстрировали свою солидарность с лозунгами коммунистической партии, осуждали реакционную политику правительства, заявляли о своём стремлении вести борьбу за мир, против растущей угрозы реакции и милитаризма.

Обличительная работа коммунистической партии привела к тому, что гитлеровцы и националисты собрали всего 5,8 млн. голосов (вместо 21 млн. голосов, минимально необходимых для того, чтобы «волеизъявление» получило силу закона). Несмотря на это, плебисцит всё же сыграл известную роль в развёртывании новой волны антиверсальской и реваншистской пропаганды, с помощью которой германские реакционеры и милитаристы пытались расширить свою массовую опору среди населения и усилить идеологическую подготовку к новой мировой войне.

Рост влияния фашистской партии среди многочисленной в Германии мелкой буржуазии показали муниципальные выборы 1929 года. В Саксонии и Тюрингии гитлеровцы собрали вдвое больше голосов, чем в 1928 г.; в прусском ландтаге им удалось получить 22 мандата вместо прежних 7. Значительных успехов гитлеровцы достигли также в Шлезвиг-Гольштейне, Бадене, Гессене и некоторых других землях. В январе 1930 г. один из гитлеровцев, Фрик, будущий министр гитлеровского правительства, был назначен министром внутренних дел и народного образования в Тюрингии.

Всё это свидетельствовало о том, что правительство Мюллера, социал-демократические вожди не только не противодействовали фашистам, но, напротив, всячески способствовали им, предоставляя возможность легального существования для их организаций, содействуя им в проведении пропагандистских и агитационных мероприятий, потворствуя фашистским организациям на предприятиях и т. д. Правительство Мюллера оказало неоценимую услугу фашистам, запретив после кровавой расправы над берлинскими рабочими в мае 1929 г. Союз красных фронтовиков и Союз красных моряков — боевые организации пролетариата, единственно способные оказать отпор вооружённым фашистским бандам. Оно полностью разоблачило себя как правительство марионеток монополистической буржуазии, проведя в рейхстаге в марте 1930 г. реакционный «Закон о защите республики», каждый пункт которого мог быть использован и, как показало ближайшее будущее, действительно был использован для беспощадного преследования коммунистов и революционно настроенных рабочих.

Давая оценку фашизму и социал-демократии, И. В. Сталин ещё в 1924 г. указывал: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предполагать, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга»¹¹⁶.

Сама буржуазия и правые социал-демократы вынуждены были признать огромную роль социал-демократии в подготовке фашистской диктатуры.

¹¹⁵ «Die Rote Fahne» от 3 декабря 1929 г. («Декларация КПГ»).

¹¹⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 282.

Социал-демократ В. Паль (Pahl) в статье, опубликованной в журнале «Sozialistische Monatshefte», заявлял о «поразительном сходстве» социал-демократической теории «хозяйственной демократии» с фашистской теорией «корпоративного государства»¹¹⁷ и рекомендовал усилить... заимствование у фашистов их «организационного опыта». «Из организационных экспериментов фашизма, — писал он, — мы извлекаем уроки для нашей собственной социалистической строительной работы»¹¹⁸.

С другой стороны, и фашизм очень многое заимствовал от социал-демократии, унаследовав от неё приёмы одурачивания народных масс, опыт маскировки организационной и идеологической подготовки к вооружённой интервенции против СССР, а также некоторые «теоретические» установки социал-демократических вождей. Последнее может быть проиллюстрировано следующим заявлением одного из главарей германского фашизма, Грегора Штрассера: «В понятие освобождения рабочего должно входить участие в прибылях, в собственности, в руководстве»¹¹⁹. Этот тезис, как известно, являлся ведущим тезисом социал-демократической теории «хозяйственной демократии».

Подобно фашистам правые социал-демократы являлись и являются лютыми врагами советского народа, его социалистического государства.

В 1927 г. на кильском съезде социал-демократической партии будущий канцлер Мюллер выступил рьяным сторонником усиления рейхсвера ввиду «опасности», которая якобы угрожает немцам с востока¹²⁰.

В 1929 г. социал-демократическая партия приняла официальную военную программу. Проект программы под названием «Основные линии политики обороны» («Richtlinien») был выработан по предложению правления партии особой комиссией во главе с Брейтшейдом и Криспином¹²¹.

«Richtlinien» являлись откровенной программой социал-империализма, одобрявшей под флагом «самообороны» империалистические войны. В первом пункте этой программы указывалось, что социал-демократия не остановится перед самыми крайними мерами, чтобы заставить правительства подчиниться третьейскому решению Лиги наций. И хотя в этом пункте говорилось о «всяком правительстве», в действительности он был направлен против Советского Союза, поскольку преследовал своей целью заставить СССР подчиниться враждебному Советскому Союзу арбитражу Лиги наций. Принимая этот раздел программы, социал-демократические вожди способствовали легализации союза интервентов против СССР.

Подчёркнуто антисоветский характер носила вся внутренняя и внешняя политика правительства Мюллера. Как отмечала передовая «Правды», «в отношении СССР это было самое враждебное правительство Германии, которое существовало в период от Раппало до 1930 года. Оно проявило себя как правительство антисоветского курса»¹²². Срыв советско-германских экономических переговоров, начатых при правительстве В. Маркса; меморандум военного министра Гренера как официальное подтверждение враждебных намерений правительства Мюллера в отношении СССР; заключение направленных против СССР соглашений с гоминьдановским Китаем, с панской Польшей, со Швецией; поддержка Комитета германской промышленности по русским делам, созданного германскими монополистами с целью подрыва советской монополии внешней торговли; присоединение Германии к гаагскому заговору империалистических хищников, принявших разбойничий «план Юнга»; поддержка вредительских и нацио-

¹¹⁷ W. Pahl. Der italienische Faschismus und der internationale Sozialismus. «Sozialistische Monatshefte», Juni 1928, S. 495.

¹¹⁸ Там же, стр. 500.

¹¹⁹ Цит. по К. Гейден. Указ. соч., стр. 214.

¹²⁰ См. П. Фрелих и А. Шрейне. Германская социал-демократия в союзе с капиталом, стр. 195. М. 1928.

¹²¹ «Schulthess Europäisches Geschichtskalender für 1928», S. 214. München. 1929.

¹²² «Правда» от 29 марта 1930 г. «Падение большой коалиции в Германии».

налистических организаций, действовавших на территории СССР; достигшая небывалых размеров антисоветская травля на страницах официальной и официозной печати — таковы факты, иллюстрирующие антисоветскую направленность политики правительства социал-демократа Мюллера.

Разоблачая антисоветские действия правительства Мюллера, Э. Тельман писал: «Бюджет рейхсвера и полиции достигает огромной суммы в 2 млрд. марок. За броненосцем «А» следует броненосец «В», затем «С» и «D». Центр тяжести германского военного флота переносится в Балтийское море — против СССР. Антисоветская травля... принимает неслыханные и невиданные до сих пор формы»¹²³.

«Мы сегодня можем утверждать с полным правом, — говорил Тельман на заседании расширенного пленума ИККИ в 1930 г., — что важнейшая ударная сила на военном фронте против Советского Союза — это нынешнее коалиционное социал-демократическое правительство»¹²⁴.

Правительство Мюллера являлось слугой германского монополистического капитала. Действительными хозяевами при этом правительстве, так же как раньше, при кайзере, и позднее, при Гитлере, были промышленные и финансовые магнаты и связанные с ними крупные аграрии. Руководители монополистических союзов Фриц Тиссен, Феглер, Крупп, Пенсен, Флик, Вольф, Геш, Сименс и другие, тесно связанные с банковскими концернами и их руководителями — Шахтом, Гольдшмидтом, Зильвербергом, Заломонсоном и др., — взаимно представленные в правлениях и наблюдательных советах, все в целом тесно связанные и зависимые от своих заокеанских покровителей — американских финансовых и промышленных магнатов, — так выглядел штаб подлинных хозяев Германии, политику которых проводило правительство Мюллера.

Яркую характеристику германской социал-демократии и её «государственной деятельности» дал 10-й пленум Исполкома Коммунистического Интернационала: «Социал-демократия оказалась той партией, которая, придя к власти, душила петлей принудительного арбитража стачки, помогала капиталу проводить локауты, ликвидировать завоевания рабочего класса... Она постройкой броненосца, равно как и принятием своей новой милитаристской программы, рвущей со всеми остатками довоенных традиций социализма, готовит войну. Руководящие кадры социал-демократии и реформистских профсоюзов, выполняя задание буржуазии... угрожают... германскому рабочему классу открытой фашистской диктатурой. Социал-демократия запрещает первомайские демонстрации. Она расстреливает безоружных рабочих во время первомайской демонстрации. Она запрещает рабочую печать («Роте Фане»), закрывает революционные массовые организации, подготавливает запрещение КПГ и организует подавление рабочего класса фашистскими методами. Таков путь германской коалиционной социал-демократии к социал-фашизму»¹²⁵.

Министры социал-демократы оправдали расчёты германской монополистической буржуазии. Выступая на XVI съезде ВКП(б), В. М. Молотов отмечал: «...германская буржуазия, достаточно использовавшая против рабочих правительство Мюллера и теперь прогнавшая его прочь для более широкого использования другого метода нажима на рабочих, всё же высоко ценит услуги социал-демократов»¹²⁶.

Благодаря этому правительству, широко поддержанному всей социал-демократической верхушкой, германская буржуазия не только смогла удер-

¹²³ Э. Тельман. Боевые статьи и речи, стр. 252.

¹²⁴ «Коммунистический Интернационал» № 7 за 1930 г., стр. 26.

¹²⁵ «X пленум Исполкома Коминтерна». Тезисы, резолюции, постановления, стр. 15—16.

¹²⁶ В. Молотов. В борьбе за социализм. Речи и статьи, стр. 28.

жать в своих руках власть в условиях экономического кризиса и нараставшего в стране революционного движения, но и получила возможность подготовить и осуществить новое наступление на жизненный уровень рабочего класса с целью ускоренного воссоздания военно-экономического потенциала Германии и повышения своих прибылей.

В 1927 г. в статье «Международный характер Октябрьской революции» И. В. Сталин указывал: «Нынешний социал-демократизм есть и д е й н а я о п о р а капитализма. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил, что нынешние социал-демократические политики являются «настоящими агентами буржуазии в рабочем движении, рабочими приказчиками класса капиталистов», что в «гражданской войне пролетариата с буржуазией» они неизбежно станут «на сторону «версальцев» против «коммунаров»»¹²⁷.

Деятельность социал-демократической верхушки периода канцлерства Мюллера, в частности, деятельность «коалиционного правительства» по воссозданию военно-экономического потенциала империалистической Германии и подготовке открытой диктатуры буржуазии является яркой иллюстрацией к этой изумительной по своей исчерпывающей глубине, силе и выразительности ленинско-сталинской оценке современной социал-демократии.

---

¹²⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 249—250